

Крестьянские правозащитники XIX века

Статья, опубликованная в первом выпуске подпольной газеты "Народная воля", имеет прямое отношение к вопросу о методах работы, вызвавшему раскол второй "Земли и воли". Этот же вопрос является одним из ключевых и для современной оценки народовольцев.

Сформулируйте одним предложением главную мысль, которую старается доказать автор. Какие выводы, кроме только что сформулированного, можно сделать по материалу статьи? Что из изложенного в статье, и почему, надо считать сомнительным, а что – достоверным?

Из деревни

Было время, когда в обществе и в литературе обвиняли нашу молодежь в том, что она, в интересах народа, которому хочет служить, крайне непроизводительно расходует свои силы. К чему, утверждали, все эти тайные общества, подпольная пропаганда, агитация? Народу они ровно ничего не дают, а молодежи открывают широкий путь в каторгу!.. Сколько загубленных сил, сколько жертв – и что же?.. Между тем, работая на легальной почве, молодежь могла бы принести несомненную пользу народу. Учитель, волостной писарь, доктор – все это такие положения, где молодые силы могли бы найти для себя наилучшее применение...

Теперь ни общество, ни литература таких советов уже не дают. Кажется, окружающая всех и вся атмосфера, переполненная жандармо-полицейским духом, мало-помалу начинает убеждать, что в наше время безразлично, чем ни быть: революционером или просто честным человеком (учителем, доктором, даже лицом с положением – чем угодно): того и другого одинаково легко приравняют к «врагу отечества», того и другого одинаково преследуют доносы, обыски, аресты... Мы переживаем такой период, когда всякая деятельность в интересах народа, как бы она ни казалась возможной и даже необходимой с точки зрения закона, становится немыслимой: защитник забитого люда, в какой бы сфере он ни проявлял свои симпатии – в крестьянских учреждениях или в земстве, в суде или в литературе, – всюду является «опасным человеком», «бунтовщиком», и люди наживы, казнокрады, эксплуататоры земских и общественных сундуков, кулаки в зипунах и во фраках стараются немедленно подставить его под обух безумного, наимозорнейшего из всех, нашего правительства. Правительство идет рука об руку с этими мошенниками всех цветов и оттенков, и они открыто эксплуатируют его глупость в своих хищнических интересах... Создаются такие условия, при которых произвол становится законом, а закон – «правительственной непредусмотрительностью», «обмолвкой», и руководствоваться им – значит, с точки зрения администрации, совершать беззаконие!

В этих гнетущих всех и каждого условиях, при которых всякая деятельность в интересах народа, как бы она ни была скромна по своему проявлению, считается преступной; в этой затхлой атмосфере шпионства, обысков, арестов и коренится, главным образом, та причина, по которой наша молодежь все более и более охлаждается к «хождению в народ» и избирает для своей деятельности другую сферу – непосредственной борьбы с правительством.

«Политическая революция представляет единственный выход из теперешнего положения», – вот что услышите вы теперь из уст не одной только молодежи.

Я вовсе не имею в виду в этой статье касаться вопроса, насколько, при теперешнем порядке вещей, политическая революция, действительно, является существенно необходимой, и вообще, на этот раз, не задаюсь целью определять характер деятельности, вызываемой данной минутой, а просто к ряду общеизвестных фактов в пользу справедливости сделанной мною характеристики теперешнего порядка вещей хочу присоединить еще один. – В обществе всегда находится достаточное число лиц, к которым с успехом можно применить известное изречение Прудона: «Вы думаете – сказал раз, и довольно? Нет, повторять надо, долбить, беспрестанно повторять, чтобы новая мысль перестала считаться абсурдом, перестала казаться странной и приобрела бы действительные права гражданства в мозгу!»

Кому не известно, что сельская и волостная администрация пагубно влияет на народную жизнь и, в соединении с кулачеством, является одним из самых сильных разрушительных элементов общинных порядков? Кто, с другой стороны, не знает, что волостной писарь может распоряжаться судьбой тысяч крестьян, входящих в состав волости, и гнутся в три погибели все, от старшины и кулака до "последнего мужичонки" включительно? Об этом толковали на все лады, и всем и каждому это доподлинно известно. Предположите же, что кто-нибудь из молодых людей,

проникнувшись желанием охранить общину от разъедающих ее гадин, задался бы целью, в качестве волостного писаря, противодействовать развитию кулачества исключительно на почве закона – и только.

Спрашивается: возможна ли такая деятельность при настоящих условиях?..

Прежде всего, как попасть в волостные писаря образованному человеку? Если вы имеете университетский диплом или свидетельство о том, что были в одном из высших учебных заведений – одно это обстоятельство заграждает вам путь: в любом присутствии по крестьянским делам вы найдете секретное предписание о недопущении в писаря лиц с высшим образованием. На первом же шагу, значит, вы уже сталкиваетесь с правительственным фарисейством и обманом: открыто толкуют о «недоучившихся мальчишках», как о разрушителях основ, а секретно – к ним же причисляют кандидатов университета¹ и пр. Выходит, что в волостные писаря если и может попасть образованный человек, то только с неперемным условием, чтобы он имел при себе видимый знак «недоучившегося мальчишки».

Чем должен быть всяк писарь для того,

Чтоб быть достойным званья своего?

Вы не пьяница – «странно!» Не берете взятки – «удивительно». Написали грамотно бумагу – показывают: «посмотрите, как пишет этот писарь!» Выписываете журнал – «ка-ков!» Словом, если вы, так сказать, по своим внешним признакам не уподобляетесь обыкновенному типу писаря – «загребале-пьянице», вы уже «не отвечаете своему призванию» и являетесь «личностью сомнительного происхождения». Иногда этих «внешних признаков политической неблагонадежности» бывает совершенно достаточно, чтобы, на первых же порах, постарались вас выжить, и единственным утешением в этом случае для вас будет служить привет мужика на прощание: «Этаких... знамо, начальство не любит!». Но есть местности, где писаря, «загребалы-пьяницы», отличаясь вообще упущениями по должности, вызывая массу "кляузных дел", т. е. жалобы на действия старшины, на решения волостного суда, своими измышлениями, в которых «сам чёрт ногу сломит», по вопросам статистико-этнографического характера и другим, поступающим на разрешение волостного правления, так всем предержавшим властям надоели, опротивели, что само начальство желает иметь «хороших писарей».

– Ну, пей, знаете, взятки бери... да, по крайней мере, умей делать! А то кляузами на старшину, на волостной суд завалили присутствие... Какой это писарь!

В таких местностях, если исправник и будет смущаться признаками вашей неблагонадежности, зато остальные члены присутствия по крестьянским делам посоветуют ему «подождать поступков».

– Нет, вы не торопитесь! – скажут ему. – Положим... этот не пьет, пишет, наконец, порядочно... все это, конечно, наводит... Но, с другой стороны, может быть, просто так: беден, места не было... чёрт же его знает! Может, и в самом деле, выйдет из него хороший писарь... К тому же, пьяницы уже надоели!.. Чёрт знает, что они пишут!... Как вам нравится хоть бы вот это: министерство предписывает собрать сведения о нищенстве; мы посылаем писарям программу вопросов, а они отделяются рапортом: «По справкам, нищих в волости не оказалось, а буде появятся, будут приняты соответствующие меры»... Нет, вы подождите!

Исправнику придется ждать недолго.

Представьте себе такой случай.

В волостное правление приходит управляющий знатного барина заключить условие с несколькими крестьянами на работы. Писарь читает условие. Что ни строчка – то штраф, штраф. «За прогул в будни 2 руб. штрафу; за прогул – 3 р.; за каждый день болезни, не признанной – 2 р.; после 3 дней болезни рабочий увольняется с вычетом из жалованья по 2 руб. за каждый день... работать все, что ни заставят... на работу явиться по первому требованию конторы: в случае неявки – 25 р. неустойки... деньги за работу уплачиваются по усмотрению экономии²».

Единственная барская милость – «три рубля вперед, по засвидетельствовании сего условия в волостном правлении».

¹ Такое звание получал в XIX в. человек, успешно окончивший университет.

² Экономия (от греч. *хозяйство*) – в дореволюционной России так называли крупные имения, сельскохозяйственные предприятия, ведущиеся на основе наёмного труда с использованием современной техники.

Писарь, на основании статьи устава о благоустройстве в селениях, по которой «волостное правление обязано отговаривать крестьян вступать в обременительные сделки друг с другом и с частными лицами», начинает отговаривать продающих себя в кабалу к знатному барину.

– Знаете, что тут писано? – спрашивает он крестьян.

– Де знать, ваше степенство, мы неграмотны! – следует ответ.

Писарь объясняет им смысл «кабальной бумаги», выставляя на вид все комбинации случайностей, за которыми, по этому условию, должен следовать штраф, неустойка, и, в конце концов, они могут вернуться домой «без копейки».

Управляющий ухмыляется и время от времени прерывает его замечаниями:

– Это только так-с, для острастки!.. Известно, служить надо благородно-с!.. Наша экономия никого не обижает!

Мужики хотя и поддакивают писарю, когда он им перечисляет все возможные случаи штрафов и неустойки, но, видимо, не особенно возмущаются этой стороной условия.

Но вот писарь доходит до той части условия, где говорится о вознаграждении за труд, при чем оказывается, что «бумага» не соответствует словесному уговору, какой был у крестьян с управляющим за стенами волостного правления, – и сговорчивость мужика сразу пропадает.

– Уговор был как? – насакивает один из них на управляющего. – К Ильину дню 5 р., к Покрову – 10 р., а оставшие по уборке, а ты, вишь, «как экономия вздумат»!

– Ну, да! – отстаивает себя другой. – Ты уж не грешни... пиши, чтоб без обиды!

– Без обиды и писано! – возражает управляющий.

– Де без обиды? – горячится первый мужик. – Пиши по уговору!..

– А то нако-сь... «как вздумат!» Твоя экономия, и вовсе вздумат не платить!..

– Как есть! – слышится новый голос. – Летось крепил да не так...

– А ты побойся бога! – уговаривает второй мужик.

– Я не неволю: хочешь – подписывайся и получай сейчас денежки! А не желаешь – как угодно: других найдем.

Подходы склонить управляющего «на бумагу по совести» продолжают довольно долго, варьируя в пределах скромности: «ты уж пожалей нас!» и накипевшей досады: «и совесть же у вас, посмотреть... э-эх!» Но управляющий остается непреклонным.

Одни мужики, кому «трешна» еще не нужна «до зарезу», решают: «ищи других, а мы погодим!», и уходят, не подписав условия. Другие, кому нужда так и жужжит в уши: «смотри, упустишь трешню, будешь каяться!», говорят писарю, махнув рукой: «пиши!». «Добровольное условие» состоялось, и условие засвидетельствовано. Мужики получают по трешне, а управляющий – купчую крепость на их руки.

– А вы строгоньки, очень строгоньки-с! – говорит управляющий на прощанье писарю. – Раньше у вас было просто-с!.. С этим народом по закону нельзя... Мое почтенье-с!

– Спасибо, кормилец, – прощаются с писарем мужики, – за нас стоишь!.. Дай тебе бог здоровья!.. Этакой писарь нам впервой... – и покидают правление, приговаривая: «что поделаешь?, ну-жда».

Или представьте себе другой случай.

Дело происходит на волостном суде. Кулак, «прижимала-мученик», просит отнять судом в его пользу избу у крестьянина, который ему продал ее за 20 р.

– Вот этот мужичок, – обращается он к судьям, указывая на должника, – продал мне домок... а теперь не отдает! Хотел было к мировому, да дело-то плевое, в 20 р... Потрудитесь!

Судьи, выбранные волостным сходом, в угоду старшине-кулаку, из каштанов³, тоже кулаков, хотя степенью ниже, прямо накидываются на мужика:

– Чаво ж ты! Продал – и отдай... Так, голова, нельзя – начальство беспокоишь зря... опять же и человеку... хлопоты-то, чай, ему что-нибудь стоят?

– Известное дело, – вторит им кулак, – день-то мне чего стоит?.. Врать-то вы все мастера, а отдавать – погоди, да погоди!... Вот попросить гг. судей за проволочку присудить, и будешь наперед умнее!

– И присудим! – угрожают каштаны.

³ Каштан, коштан (кошт – иждивение, содержание) – то же, что мироед. Словарь В.И. Даля даёт широкий набор значений для соответствующего глагола: "Коштанить, коштанничать, промышлять коштанством, быть коштаном, мироедничать, быть ходатаем, ходаком и урядчиком за крестьян, коноводить в происках и тяжбах, сводить счета с чиновниками".

– Позвольте, гг. судьи, – вмешивается писарь, – сначала надо разобраться, в чем дело. Ну-ка, расскажи, – обращается он к мужику, – как ты дом продал?

– Я ему, ваше степенство, дома не продавал... Это он зря! 15 руб. у него брал – точно, да 5 р. росту: 20 руб. за мной... я не отпираюсь...

– А на какой срок брал? – допрашивает писарь.

– На шесть недель...⁴

– Чего его слушать, гг. судьи, – грубо прерывает кулак, – у меня документ, по ему и розыск должны учинить... Мы тоже эти порядки знаем!

– Покажите ваш документ! – требует писарь. Судьи молчат. Кулак подает документ: «1878 г. марта... дня. Я, нижеподписавшийся, – читает писарь, – ...губ. ...уезда ...волости ...села крестьянинпродал ...принадлежащий мне дом со всеми надворными постройками и дворовым местом; ценою договорились за 20 руб., которые я получил с него сполна, с условием, что, ежели я пожелаю у него откупить свой дом обратно... к июлю сего года, то обяжусь уплатить ему 20 руб.; буде же в срок этих денег не заплачу, то все вышепрописанное мое имущество отдаю ему в его вечное и потомственное пользование без всякого суда и следствия; а если доведу дело до суда, судебные издержки платить мне. Условие это обеим сторонам хранить свято и нерушимо, в чем и подписуемся... За неграмотного...».

– Вот-с! – прерывает кулак, – все, как быть должно, по форме... Мы тоже зря просить не станем!

– Документ – как есть... настоящий! – вторят ему судьи.

– Условие это незаконно! – возражает писарь.

– Чево-с? – нахально спрашивает кулак.

– Ваш документ незаконный... Во-первых...

– Как незаконный? – горячится кулак, – писаря-то не хуже вас были, знали, чай, что делали... Не-законный!

– Ну, а я вам говорю: незаконный, и прошу меня не перебивать... Во-первых, чтоб быть бесспорным, условие должно быть записано в книгу сделок и договоров при волостном правлении, а это не записано; во-вторых, дворовое место крестьянин может продать другому лицу только с разрешения общества, а тут о таком разрешении даже не упоминается; в-третьих, вы хотите отнять у мужика дом за 15 р., тогда как по закону не то что отнять, даже продать у крестьянина дом за частные долги нельзя!.. Я вам советую, гг. судьи, – продолжает писарь, – не руководствоваться этим документом, а разобрать дело по совести и по обычаю!

– Ты стой, стой! – удерживают судьи кулака, который хочет сделать замечание. – Выдьте-ка все!, мы посоветуемся.

Публика удаляется вместе с истцом и ответчиком. В комнате остаются только судьи и писарь.

– Ты вот что! – шепчет писарю один судья. – Ты не больно!.. Макар Иваныч у нас мужик первеющий... обижать его не приходится! А что ты говоришь насчет пазьма⁵ али дома – слово твое правое, мы знаем – да не рука! И тебе опять: голь-то эта... Эх!, плюнь! А этот... этот у нас за первый сорт, и тебя отблагодарит... Ты закон-то про себя держи!

За дверью комнаты, где идет совещание, слышится брань кулака, которая покрывается галдением толпы.

– Чу! Слышишь, что твое слово наделало, – продолжает тот же судья. – Ты оставь!.. У нас такая ли сумятица пойдет... ж... и! Плюнь!

Но писарю все-таки удается уговорить судей разобрать дело по совести.

– Ну, – говорит один из судей, когда кулак и вся публика появились в комнате, – сам, Макар Иваныч, сплосал, на себя и пеняй! По документу мы твое дело разбирать не можем... Потерпи малость, отдаст... Ты, парень, когда отдашь?

– Через нед...

– Это что за суд! – перебивает кулак. – Разве это суд?!.

– Макар Иваныч! – вмешивается писарь. – Я советую вам вести себя поскромнее, иначе судьи, на основании статьи (читает статью), могут посадить вас под арест.

⁴ Таким образом, кредитная ставка составила 33 % за 1,5 месяца, т.е. более 250 % годовых. Выдача кредита ценой более 6 % годовых считалась в это время незаконной.

⁵ Из словаря В.И. Даля: "Пазьмо – ср. симбирское, пензенское, псковское позем, позьмы, позмище, поземельный пахатный участок; | казанское усадьба, усадебное место под двором, ухажаями и домом".

Кулак, подавленный неожиданностью такой угрозы и злостью, перехватившей ему горло, умолкает.

– Ну так как же, парень, – спрашивают судьи, – когда заплатишься?

– Через недельку, гг. судьи, отдам... беспреренно уплачу!..

– Ну, попроси его... с поклона-то голова... чай, не свалится!

– Макар Иваныч, сделай милость!.. – просит мужик, кланяясь в ноги.

Кулак упорно молчит.

– Макар Иваныч!.. Пожалей мужика!.. Поделайся!.. – уговаривают судьи и несколько голосов из толпы.

– Решайте, решайте! – чуть-чуть что не приказывает кулак.

– В таком деле, – говорит писарь, – закон требует, чтобы суд старался склонить стороны к миру... Если же стороны не пойдут на мировую сделку, то суд решает дело сам, на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту... Так как Макар Иваныч поделаться по доброй воле не желает, то я предлагаю вам, гг. судьи, постановить решение!

– Макар Иваныч, поделайся! – пристают судьи к кулаку.

– Не желаю.

– Ну-у!.. Пиши решение!.. Выдьте-ка вы! – приказывают судьи публике.

Комната остается на несколько минут пустой. Решение написано, и она снова наполняется народом.

– Читай! – говорят судьи писарю. Писарь читает: «1878 г. июля ...дня волостной суд в составе трех очередных судей... слушал... по рассмотрении документа, представленного... по выслушании сторон... суд, принимая во внимание... определил: взыскать с крестьянина... в пользу кр. Макара Иванова 20 руб.».

– Этим судом я недоволен! – заявляет кулак. – Пожалуйте копию!

– Завтра можете получить! – отвечает писарь.

Кулак оставляет правление, бормоча, себе что-то под нос.

Рассмотрите эти два случая и скажите: можно ли, хотя бы с точки зрения закона, тому писарю, который фигурирует в них в качестве защитника интересов народа, преподнести титул «врага отечества – бунтовщика»? Конечно нет! А между тем ему преподносят этот титул со всеми его последствиями!

Управляющий, если тотчас же не строчит на него донос исправнику, то при свидании приносит на него жалобу:

– Бунтует народ-с!.. Житья нет!

– Ну вот!.. Я, ведь, говорил! – радуется исправник, дождавшись случая похвастаться перед остальными членами присутствия своей предусмотрительностью.

Одно обвинение уже готово: «вы возмущаете крестьян против помещика».

Кулак... но тут необходимо сделать некоторое отступление.

Я сказал в начале статьи, что наше правительство идет рука об руку с мошенниками всех сортов, которые эксплуатируют его глупость в своих хищнических интересах. Поэтому, как среди интеллигенции встречается немало субъектов, понимающих, что в наше время прямой путь к устранению «беспокойных элементов», мешающих разворовывать общественные и земские деньги, это – окрашивание этих непрошенных «охранителей чужой копейки» в «красный цвет», – так и среди крестьян есть уже «понятные люди», смекнувшие, что всякого защитника голыдьбы во вред толстопузому благодетелю можно «счикнуть», выставив его бунтовщиком. Да и почему же в какой-нибудь Губошлеповке Герасиму Семеновичу или Андрею Ивановичу не пользоваться для своего деревенского обихода «духом времени», если в Бузулукском уезде Самарской губ. есть предводитель дворянства – Жданов, который хвастается в обществе, произнося с особенным ударением: «мы призваны стоять на страже!», и делает доносы; а председатель земской управы в том же уезде – Ковзан, чтобы забаллотировать ненавистного его партии претендента в губернские гласные, не гнушается грозить мужикам: «Если выберете его, – вас сейчас под суд! Разве вы не знаете, что он удален из службы по второму пункту?.. Ведь он против царя, безбожник!». Если есть такие персоны в городе, то почему же им не быть и в деревне? И они есть.

«Ноне – просто!, – рассуждает Герасим Семенович с Андреем Ивановичем: – ежели мужик против тебя – закатил его в расстройщики, и шабаш!., в Сибири много места!.. А ежели из таких... из образованных, значит... шепнул жандарму, либо исправнику: смутовство, мол, делает, бунт... так причертят, любо-дорого посмотреть будет!»

Возвратимся теперь к кулаку.

Кулак, обозленный, получив копию с решения волостного суда, идет советоваться с «добрыми людьми».

– Ну нет, брат! – окончательно добивает его «добрый человек» – кассация тут ни к чему – тонко!.. не отменят! все как есть!

Что делать? Везде и всюду кулак ругает писаря, и чем чаще он вспоминает о своих делах, тем ярче выставляется ему невозможность обойти этого писаря, тем ненавистнее становится ему его личность.

Наконец, он наталкивается на Андрея Ивановича.

– Да ты заткни ему кадык-то! – советует тот кулаку.

– Не берет!

– Ну-у?

– И откуда его чёрт принес к вам?, прости, господи!

– Леший его знает!, жили, братец ты мой, все... слава богу! Сколько писарей перебивало – уважали, а тут... на! за бедноту стоит, а нам – хоть бы вот с эстолько!, все по закону, да по закону!.. А у меня, знаешь, этих условий на дома, опять же души, которые мужики позакладали... Смеются, окаянные мужичонки-то!.. Да и впрямь, с этим писарем ничего не получишь!

– За бедноту стоит?

– Стоит.... шибко стоит.

– Да он, мотри, не из этаких ли?

– Из каких?

– Да вот, что смутовство делают...

– Знамо, из этаких!... Какого еще смутовства надо-ть? Весь мир перебулгачил!

– Ну, так я тебе вот что присоветую: прямо к жандару, нето к исправнику.

– Ну-у?

– Пря-ямо! Бунтует, да и все тут... чего ж?, они его живой рукой... и души-то все при тебе останутся!

– Это я беспрременно!

– Сделай!

– И сделаю!.. Рази с эстаким можно жить?

Кулак едет к исправнику, а для верности заворачивает к «жандару».

– Помилуйте-с! – жалуется он начальству, – мы, слава богу, не то что... по всей округе известны... и капитал платим, все такое... Торговать нельзя-с... опять же и хлебопашество... Бунт-с!

– Так. так! – окончательно уже убеждается исправник в своей предусмотрительности.

Второе обвинение: «вы восстанавливаете бедных против богатых». Не пройдет недели, как вы уже заметите, что вся окружающая вас обстановка приняла характер какой-то подозрительности: в вашей резиденции живут жандармы; урядник рыщет, расспрашивает; мужики шепчутся и толкуют:

– Мотри, чего-нибудь доискаться им охота!.. Все о тебе речь заводят!

Ждите – не сегодня, завтра к вам нагрянут гости, спросят паспорт, произведут обыск и т. д. и т. д.

Может быть, мне возразят: «ну что же, произведут обыск, ничего не найдут и оставят в покое!»

Ну нет-с! Положим, у вас не найдут ничего противозаконного в тесном смысле этого слова, – это верно! Но так как вы человек мало-мальски образованный, интересуетесь общественными делами, можете иметь знакомых, которым также близки эти дела, а эти знакомые могут вам писать письма не по шаблону дружеских посланий, получаемых «писаре-загребалой», в роде: «А баранов мне к святой навалили целую уйму!», так как, наконец, вместо библиотеки, состоящей из «Мартына Задеки» и «Барышни 5-го этажа», вы можете иметь книги научного содержания, – то полиция и жандармы, руководясь «духом времени», найдут у вас при обыске слишком много!

– Ваше направление, – скажут вам, – вполне определяется этими книгами... к тому же и поступки-с!.. Жаль, очень жаль, но приходится вас арестовать... впредь до разъяснения всех обстоятельств этого дела!

Дело, положим, разъяснится в вашу пользу; но не думайте, что вы снова попадете на место. Ведь всем этим исправникам, кулакам, Ждановым, Андреям Ивановичам, председателям управ, в роде бузулукского, – им только и нужно как-нибудь вас «счикнуть» и в лице вашем создать пример, чтобы этим примером на будущее время можно было уткнуть нос другому, кто захочет итти по вашим стопам, проявляя симпатии к забитому люду и антипатии к его притеснителям.

Раз у вас сделали обыск, арестовали, – вы скомпрометированы, и нигде не найдете себе места! Тот же исправник, который «из произведенного дознания» убедится в вашей политической благонадежности, скажет вам:

– Помилуйте-с – были под судом и лезете!.. Нам таких не надо.

Притесняй, грабь, воруи – вот какую деятельность рекомендует вам теперешнее status quo; вот какую работу предлагают честному человеку современные эксплуататоры, с правительством во главе...

Что же делать?

Кудряшов.

Народная воля. № 1. (1 октября 1879 г.)
<http://www.narovol.narod.ru/document/nv1.htm>
(Проект: Народная воля)